Текст · 16 сентября 2022, 07:33
Лена Чеснокова,

Как нации преодолевают свое стыдное прошлое. Пример Германии

В подкасте «Как-нибудь» Катя Кронгауз и Лена Чеснокова пытаются разобраться, как жить после 24 февраля 2022 года. В последнем выпуске они примеряют на себя историю послевоенной Германии и рассказывают, что политических чисток и судов обычно недостаточно, а путь от коллективной вины к коллективной ответственности и ее принятию всегда будет долгим и трудным. С разрешения автора «Медиазона» публикует текст Лены Чесноковой, который она написала для этого выпуска.

Другие нации уже справлялись с памятью о своих военных преступлениях. У этого явления даже есть специальное название — «трудное прошлое» или «неудобное прошлое». Так называют периоды диктатур, террора, войн или геноцидов. В общем, времена, которые очень сильно травмировали целые нации и по поводу которых у общества долго нет консенсуса. Об этом, в частности, написал книгу переводчик и журналист Николай Эппле, которая помогла мне, когда я готовила этот выпуск. Эта книга так и называется — «Неудобное прошлое», всем ее советую.

Рядом с «трудным прошлым» обычно стоят еще два термина: «коллективная вина» и «коллективная ответственность». В идеале общество должно постепенно пройти путь от первой ко второй. То есть выйти из состояния коллективной вины,

когда виноваты сразу все, и значит, никто конкретно, к коллективной ответственности, когда память о преступлениях прошлого жива, но она отрефлексирована, встроена в современную жизнь и защищает общество от того, чтобы ужас повторился. Наверное, самый главный и известный пример работы с коллективной виной — это история послевоенной Германии. Я расскажу, как она прошла этот очень трудный и долгий путь. И самое интересное для меня в этом примере то, что в каком-то смысле он до сих пор не окончен.

External embed

https://play.libsyn.com/embed/episode/id/24362448/height/128/theme/modern/s

«Холокост» на всех экранах Германии

— Мне тут доложили, что вы лечите арийцев.

— Убирайтесь! Убирайтесь, пока можете.

Это диалог из первой серии «Холокоста» — американского мини-сериала, который компания *NBC* сняла в 1978 году. Обратите внимание: спустя 33 года после конца войны. В центре сюжета — судьба двух вымышленных семей, немцев Дорфов и евреев Вайсов. В этой сцене Эрик Дорф, который уже несколько лет работает в СС, приходит к своему давнему знакомому — еврейскому доктору Йозефу Вайсу. Когда-то Вайс лечил семью Эрика, но после прихода нацистов к власти отношения испортились. Эрик грубо советует своему бывшему еврейскому врачу бросить все и скорее уехать из Германии.

Доктор Вайс рассказывает о разговоре с Эриком своей жене, пианистке Берте. Но Германия — ее родина, поэтому она не хочет никуда ехать. Вскоре после этого разговора Йозефа и Берту с детьми ссылают в Варшавское гетто. К концу сериала вся их семья оказывается в Освенциме.

«Холокост» — это такая типичная американская мыльная опера. Повествование разбито так, чтобы было удобно вставлять рекламные паузы, характеры героев очень выпуклые и однозначные, сюжетные повороты довольно предсказуемые, в конце каждой серии клиффхэнгер — крючок, который цепляет ваше внимание и заставляет смотреть дальше. В одной из главных ролей, кстати, молодая Мерил Стрип.

Когда «Холокост» показали в ФРГ, он произвел фурор. Его посмотрели больше 20 млн немцев, то есть примерно половина взрослого населения страны. Сотрудники местной телестудии получили 20 тысяч писем и 5 тысяч звонков от благодарных зрителей. В общем, людей задело: это была такая смесь

сочувствия, ужаса и раскаяния. Еще раз повторю — это важно — шел *семьдесят восьмой* год. С конца войны прошло 33 года.

На месте немецких историков, политиков, писателей и режиссеров мне бы было очень обидно. Все это время про Холокост никто не молчал. Были написаны сотни исследований, романов и пьес, снято множество фильмов, миллионы людей побывали на экскурсиях в лагерях смерти и так далее. И, несмотря на все это, в немецком обществе все еще не было однозначного отношения к гитлеровскому периоду. А тут вдруг какая-то американская мыльная опера подарила нации если не полный консенсус, то что-то очень близкое к нему.

Вообще-то все эти годы шли споры, суды, а немецкое общество кидало из стороны в сторону. То оно берет на себя ответственность за военные преступления. То валит все на Гитлера и исторические обстоятельства. Тему Холокоста несколько раз «окончательно» закрывали и снова открывали. В общем, это были очень непростые годы, о которых я и хочу рассказать.

Методы работы с трудным прошлым: правосудие, компенсации, амнистия, память

В «Википедии» есть статья «Преодоление прошлого». Она о том, как разные общества переосмысляли себя, когда переходили от диктатуры к демократии. Помимо Германии, там есть пример Испании, которая заново отстраивалась после смерти диктатора-националиста Франсиско Франко.

Или пример Камбоджи после диктатуры Пола Пота, который практиковал этнические чистки, депортации и массовые казни. Так вот, в статье приводятся несколько главных и самых эффективных способов работы с трудным прошлым.

Первый — это политические чистки и правосудие. Например, денацификация — то самое загадочное слово, которое мы слышим каждый день с 24 февраля. В послевоенной Германии под ним понимали отмену гитлеровских законов, уничтожение фашистской символики и, конечно, роспуск нацистской партии и суды над ее лидерами. Ну, то есть такие официальные жесты, в основном юридические.

Второе — выплаты компенсаций жертвам режимов.

Третье — зафиксировать память о прошлом, то есть перечислить палачей, увековечить имена жертв, соорудить мемориалы, договориться о памятных датах и убедиться, что о репрессиях рассказывают в школах и университетах.

Четвертое — амнистии и помилования осужденных. Ну, то есть виновных! Эта мера может показаться контринтуитивной: мы же их вот недавно осудили и уже хотим простить. Но многие политологи уверены, что пока одна часть общества считает другую преступниками, никакое национальное примирение и возрождение невозможно. В России эта мысль воплотилась во фразе: «Помнить. Знать. Осудить. Простить», которая высечена на новом московском памятнике жертвам политических репрессий на проспекте Сахарова. К сожалению, пока только там. Но давайте вернемся к Германии.

Правосудие: сомнительный Нюрнберг

Судя по всему, существует очень логичная, четкая последовательность: чистки и люстрации, выплаты пострадавшим, мемориалы и в конце амнистии. Но когда я стала читать про Германию, выяснилось, что там все с самого начала пошло не так.

Давайте по порядку. Первый шаг в работе с трудным прошлым — это денацификация и правосудие. В Германии все началось с Нюрнбергского процесса. Это был первый и ключевой суд над военными преступниками Третьего рейха. 21 обвиняемый. 12 приговорены к смерти, трое — к пожизненному заключению, четверо — к долгим тюремным срокам, и трое оправданы. Дальше было еще 12 подобных процессов, тысячи осужденных за преступления против человечества и сотни смертных приговоров.

Считается, что все это было торжеством правосудия и справедливости. То есть все виновные получили по заслугам, а народ понял, как *не надо* делать. Так

вот! Это самый настоящий «нюрнбергский миф». Простите за эти слова, но тут *все не так неоднозначно*, и вот почему.

Во-первых, процессы де-факто не были состязательными. Адвокаты формально присутствовали на заседаниях, но в основном молчали. Победители судили побежденных, за которых почти не заступались. А некоторые прокуроры сами вызывали не меньше вопросов, чем люди со скамьи подсудимых. Например, главные обвинители от СССР Иона Никитченко и Роман Руденко вообще-то активно участвовали в сталинских массовых репрессиях. А американский обвинитель Фрэнсис Бидл в свое время санкционировал создание концлагерей для японцев. Короче, судом в прямом смысле слова это назвать сложно. Скорее что-то типа линчевания.

Второе: многим нацистским преступникам удалось уйти от ответственности. Один из самых ярких примеров — Фридрих Паулюс, который, на минуточку, придумал план «Барбаросса». Это план военной операции по захвату европейской части СССР. Так вот, он участвовал в процессе как свидетель обвинения, а потом долгие годы жил в СССР. То есть в стране, которую сам же хотел захватить. Смешно, что Паулюс даже получал там пенсию. Короче, полного доверия к такому суду, мягко говоря, не было, многие считали его результаты недостаточными.

В-третьих, и это самое главное: нюрнбергские процессы укрепили население в мысли, что простые немцы не виновны в преступлениях нацизма. Всех самых страшных злодеев якобы уже наказали в

суде. При этом главными жертвами войны граждане считали не евреев или жителей захваченных территорий, а самих себя. Союзники разбомбили их города, страна лежала в руинах, оккупанты изнасиловали сотни тысяч немецких женщин, с фронта возвращались калеки, уровень жизни катастрофически упал — короче, было на что жаловаться. Людей больше заботила их собственная разрушенная жизнь, чем идеологические вопросы и историческая справедливость.

Главные обвиняемые на Нюрнбергском процессе в 1946 году. Фото: Yevgeny Khaldei / DPA / Reuters

Николай Эппле в «Неудобном прошлом» ссылается на опрос общественного мнения, который в 1949 году провел Алленсбахский институт. По нему большинство жителей Западной Германии относились к нацистскому режиму нейтрально, то есть «не поддерживали его, но и не осуждали». Еще респонденты отвечали, что слышали о преследованиях евреев, но не стали бы называть их «убийствами». И вообще большинство опрошенных совершенно точно не считали, что ответственность за эти преследования несет вся нация. Плюс к тому еще через пару лет большинство граждан в опросах недовольно отметили, что ФРГ выплатила Израилю слишком щедрые компенсации.

Короче, что я хочу сказать. Нюрнбергский процесс никакого отношения к коллективной ответственности не имел. Это был суд не над нацией,

а над конкретными преступниками, и его задачей было доказать их персональную, индивидуальную вину.

Денацификация как техника обеления виновных

Сразу после войны Великобритания, Франция, Советский Союз и США разделили Германию на четыре оккупационных зоны. В той, которую контролировали американцы, все граждане старше 18 лет в обмен на талоны на продовольствие должны были заполнить специальную анкету. Главный вопрос: сотрудничали ли они с НСДАП-[1]. Те, кто имел связи с нацистами, должны

были пройти через такой *мини-суд*. По итогам людей распределяли на пять категорий: от крупных военных преступников, которым грозило уголовное наказание, до так называемых попутчиков, которых от ответственности освобождали. Процедура быстро превратилась в профанацию: за взятку можно было получить справку попутчика. В итоге термин «денацификация» стал ассоциироваться не с правосудием, а с техникой обеления виновных. В общем, то же самое: общественное сознание от таких мер никак не менялось.

Параллельно немцев, которые отказывались признавать свою вину, оккупационные власти отправляли на принудительные экскурсии в концлагеря или показывали им документальные фильмы об ужасах войны. Некоторых заставляли перезахоранивать мертвых евреев. И все это тоже вызывало скорее отторжение, чем осознание. С

другой стороны, это были еще цветочки по сравнению с тем, что происходило позже на территории ГДР. Потому что там бывших членов НСДАП просто ссылали в исправительные лагеря.

Вина по Ясперсу: уголовная, политическая, моральная и метафизическая

Все меры, о которых я сейчас рассказала, были внешними. То есть иностранные победители пришли и наказали немцев. Но все-таки и внутри немецкого общества, особенно в кругах интеллигенции, тоже пытались понять, как жить дальше. Среди таких людей был Карл Ясперс, один из главных послевоенных мыслителей. Он буквально предлагает «путь», который надо проделать немцам после того, что случилось.

Ясперс назвал четыре вида вины: уголовную, политическую, моральную и метафизическую. Уголовная — это для тех, кто непосредственно совершал преступления. Политическая распределяется на все общество, потому что, по Ясперсу, нации ответственны за то, как ими правят. Моральная вина определяется собственной совестью каждого человека. А метафизическая выражена в формуле: «Если мне не удалось сделать все возможное, чтобы предотвратить преступление, я виновен».

Ясперс писал, что задача выживших немцев и их потомков — ощутить моральную и метафизическую

вину и по-настоящему раскаяться. Только после этого можно будет двигаться дальше.

Самое удивительно, что он пишет это *уже в 1946 году*. Это очень скоро после войны. Можете почитать его работу «Вопрос о виновности».

Чем отличаются «коллективная вина» и «коллективная ответственность»

Идеи Ясперса развивала Ханна Арендт, немецкий философ еврейского происхождения. Она окончательно разделила понятия «коллективная вина» и «коллективная ответственность».

Коллективная вина — это когда за проступок одного наказывают всех. Так работает, например, кровная месть или оккупационный режим, который отправляет простых граждан перезахоранивать тела евреев за то, что их лидеры развязали войну. Это как минимум неэффективно: когда «виноваты все», не виноват никто, а наказания и санкции только злят.

Ответственность — другое дело. Вину накладывают извне. А вот *заставить* чувствовать ответственность невозможно — ее люди всегда берут на себя сами. Арендт писала, что каждый немец должен взять на себя ответственность за преступления Третьего рейха. И сделать что-то, что в его силах, чтобы ликвидировать последствия.

Никто не хотел слышать ни об ответственности, ни о вине

Сегодня работы Ясперса и Арендт считаются классикой. Но в послевоенной Германии их идеи были, мягко говоря, не очень популярны. Студенты срывали лекции Ясперса в Гейдельбергском университете. Его обвиняли в том, что он пляшет под дудку победителей и предал национальные интересы.

Немцы сами чувствовали себя жертвами и нацистской диктатуры, и оккупантов — и вообще ничего не хотели слышать ни об ответственности, ни о вине. Особенно о вине. Социолог Ральф Дарендорф позже писал, что слово «вина»[2] в немецком языке имеет больший психологический вес, чем, например, в английском. У этого слова есть «оттенок непоправимости». Вина — клеймо навсегда, это хуже, чем быть преступником по суду и понести какое-то понятное наказание. Неудивительно, что люди не хотели признавать себя виновными.

Да и банально: после войны людям было вообще не до философов — нужно было сперва удовлетворить базовые потребности типа потребности в пище и безопасности. Общество было голодным, растерянным и разобщенным, и каждый справлялся с этим, как мог. Например, в послевоенной Германии люди массово верили в колдовство, ведьм, демонов и в то, что болезни можно лечить позитивной энергетикой. А тут Ясперс со своей метафизической виной — кажется, это было слишком рано.

Кстати, о колдовстве. В те годы сотрудники журнала о культуре *Ruf* жаловались, что в редакцию приходят десятки тысяч писем от «целителей всех мастей», которые заявляют, что могут решить

любую проблему, «от коллективной вины до колорадского жука». А один целитель даже назвал себя «специальным консультантом по культурному восстановлению, религиозному и политическому согласию и всем сопутствующим жизненным и нравственным вопросам». Он, например, объяснял, что засуха и лесные пожары случились в Германии в 1947 году, потому что немцы после войны были психически истощены. Эти и много других случаев описаны в книжке Моники Блэк «Земля, одержимая демонами», она недавно вышла на русском языке.

«Убийцы еще среди нас»: амнистия в Западной Германии, «банальность зла» и колени Вилли Брандта

В 1949 году на месте зон английской, французской и американской оккупации образуется самостоятельное государство: Федеративная Республика Германия. Во главе — канцлер-антифашист, основатель партии христианских демократов Конрад Аденауэр. Его главная цель — восстановить экономику и сделать что-то с расколотым и деморализованным германским обществом. Канцлер решил начать с примирения нации и запустил массовые амнистии. Из-за этих мер историки будут называть действия Аденауэра «политикой осторожной консолидации».

При Аденауэре от ответственности освободили 800 тысяч бывших членов НСДАП. Госслужащие времен Третьего рейха массово возвращались на свои посты, с которых их уволило оккупационное правительство. Историк Норберт Фрай писал, что «амнистия

подарила всем жителям Западной Германии полный разрыв с прошлым не только в юридическом, но и в психологическом смысле». Типа, ну вот, прошло пять лет, все помирились, можно уже и забыть о прошлом. Давайте двигаться вперед. Но на деле все опять-таки было не так однозначно.

К 1950 году в стране официально были осуждены чуть больше пяти тысяч бывших нацистов. И это ничтожно мало: просто представьте, что на момент окончания войны в НСДАП числились 8,5 млн человек. Та небольшая часть общества, которая жила идеей коллективной ответственности, в основном представители интеллигенции, естественно, была этим возмущена и требовала правосудия. В 1950-е в газетах выходили статьи с заголовками типа: «Убийцы все еще среди нас».

Но все это было возмущением на словах. Ситуацию изменили два громких судебных процесса. В 1958 году осудили членов оперативной группы «Тильзит», которые уничтожили 5,5 тысяч евреев. А в 1961-м израильский суд приговорил к смертной казни Адольфа Эйхмана, который лично отвечал перед Гитлером за «окончательное решение еврейского вопроса». То есть за полное уничтожение нескольких миллионов евреев.

Оба этих процесса активно освещали в прессе. Главной идеей публикаций было то, что преступления нацизма против евреев, славян и собственных немецких граждан не должны остаться безнаказанными. Ну, а на процессе Эйхмана присутствовала сама Ханна Арендт. По следам суда она написала серию репортажей для журнала *New*

Yorker. Позже эти тексты объединят в книгу под названием «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме». По Арендт, Эйхман, который лично отправил умирать миллионы людей, не был ни убежденным антисемитом, ни отъявленным подлецом. Он просто хотел сделать карьеру и тупо выполнял все указы начальства. Такое вот банальное зло.

Эта позиция Арендт тоже вызвала много споров. Но ее главная заслуга — в том, что общественная дискуссия вокруг прошлого снова активизировалась. В следующие годы на месте бывших концлагерей начинают массово открывать мемориалы, например в Дахау и Бухенвальде. А еще парламент ФРГ обращается к иностранным государствам с просьбой присылать свидетельства о преступлениях нацистов. И это срабатывает: немецкий минюст получает тонны материалов со всей Европы. Ну, а в 1970 году, то есть спустя 25 лет после окончания войны, случается еще одно символически важное событие.

Канцлер Германии Вилли Брандт на коленях перед памятником героям Варшавского гетто. Фото: DPA / Reuters

А это Вилли Брандт у памятника героям Варшавского гетто. Поправив цветы у венка, он опускается на колени. Поступок стал историческим жестом.

7 декабря 1970 года на тот момент только что назначенный канцлер Брандт поехал с визитом в коммунистическую Польшу. Там он среди прочего

посетил памятник жертвам восстания в Варшавском гетто. Вилли Брандт возложил венок, а потом неожиданно для всех упал у мемориала на колени. Позже Брандт расскажет, что это был спонтанный жест и что он просто сделал «то, что делают люди, когда им не хватает слов».

Это коленопреклонение стало очень важной вехой. Во-первых, для Польши и других стран социалистического лагеря, которые почувствовали, что ФРГ хочет наладить с ними отношения. Во-вторых, для самой Западной Германии, где только недавно отбушевали страсти вокруг дела Эйхмана и суда над тильзитской группой. Немцев с выраженной антифашистской позицией становилось все больше, но при этом поведение Вилли Брандта оценили, мягко говоря, не все. Опрос немецкого журнала *Der Spiegel* показал, что 48% жителей ФРГ считали, что это был чрезмерный жест. Несмотря на все споры, в 1971 году Вилли Брандт получил Нобелевскую премию мира. Всего в годы его правления обвинения предъявили более чем шести тысячам бывших нацистов.

Дискуссия о коллективной ответственности вышла на новый уровень.

«Спор историков» и ответственность послевоенного поколения

В семидесятых с ФРГ происходило то, что историки назвали «немецким экономическим чудом». Экономика росла, жизнь налаживалась, а еще в стране подросло новое поколение свободно

мыслящих граждан. Я уже говорила, что сразу после войны немцы считали главными жертвами гитлеровского режима самих себя. Но для их детей все было как раз наоборот. Они читали Ясперса, Арендт и других философов и выступали за то, чтобы громче обсуждать нацистское прошлое и каяться. Этот факт, плюс открытие мемориалов, плюс публичные дискуссии, плюс новые суды над палачами подготовили почву для той реакции на сериал «Холокост», которая захлестнула Германию.

Наступили 1970-е, Вилли Брандт упал на колени, тема Холокоста стала частью массовой культуры. Ну что, кажется, процесс преодоления нацистского прошлого окончен?

Короткий ответ: нет, ничего не было окончено. Вскоре немцы зашли на очередной виток конфликта. Он вошел в историю под названием «спор историков». Вот как это было.

В 1982 году канцлером ФРГ становится Гельмут Коль. Правительство поставило перед ним очень амбициозную задачу: сделать Германию великой снова, вернуть стране экономическое и политическое лидерство в Европе. Многие политики считали, что главное препятствие на пути к этой цели — постоянно всплывающая память о нацизме, а в ведомстве канцлера пошли еще дальше и сказали, что «историческое сознание с акцентом на чувстве вины не принесет немцам счастья». Тогда же провластный консервативный философ Херман Люббе заявил, что главный враг Германии — антифашизм, потому что он поддерживает в немцах чувство вины.

В 1986 году близкий к канцлеру историк Эрнст Нольте опубликовал в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* статью под названием: «Прошлое, которое не хочет проходить». Краткое содержание: не стоит преувеличивать значение массовых убийств евреев. И вообще, Холокост — это не уникальное событие, вот, например, в СССР был красный террор. И, между прочим, ГУЛАГ появился раньше, чем Освенцим. А еще война со Сталиным имела оборонительный характер, потому что действия велись на территории рейха. Ну, и самое главное: Германия — единственная страна, которая во имя Европы боролась с коммунистической угрозой, в то время как остальные почему-то с кровожадными Советами сотрудничали.

В ответ на это через месяц в газете *Zeit* выступил философ и социолог Юрген Хабермас. Он был преемником взглядов Ясперса и Арендт и в своей статье обвинил Нольте в оправдании нацизма. Он заявил, что преступления гитлеровцев были беспрецедентными и ответственность за них должны нести не только правящие круги, но и все немцы и их потомки.

«Спор историков» продолжился на страницах других журналов. К нему присоединились еще с десяток спикеров — и с одной, и с другой стороны. И после примерно года этого медиаскандала стало ясно, что симпатии большинства аудитории на стороне Хабермаса и его единомышленников. В 1987 году Нольте стал изгоем в академических кругах и одним из последних немцев, которые пытались *публично забыть* нацизм. То есть не то чтобы оправдать, но хотя бы перечеркнуть эту страницу неудобного прошлого.

Сегодня кажется, причина победы Хабермаса и его единомышленников была в том, что спустя почти сорок лет после Гитлера в Германии выросло новое поколение граждан. Сами они, естественно, не участвовали в преступлениях нацизма, возможно, поэтому им было проще принять трудное прошлое и понести коллективную ответственность за преступления отцов и дедов.

Ответственность, вина и новый дом неонацизма

Бороться с антисемитизмом, ксенофобией, ненавистью и насилием — это вечный долг Германии. Так говорила канцлер страны Ангела Меркель во время своего визита в Израиль в 2018 году.

«Я склоняю голову перед жертвами, их болью. Я прошу прощения за историческую вину Германии. Мы по-прежнему несем ответственность за Вторую мировую войну», — а это в 2019 году президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер произносит

речь в Польше на траурной церемонии в честь 80-й годовщины начала войны.

Сегодня такая риторика лидеров нации — совершенно обычное явление. Кажется, что о прошлом в Германии больше никто не спорит, всем все ясно. Но если внимательнее присмотреться к немецкому обществу, все опять оказывается не так однозначно.

«Если у неонацизма есть дом в этой части Восточной Германии, то он здесь, в деревне Ямель. <ÿ.ÿ Видите этот знак? Он указывает направление на Браунау-ам-Инн, место рождения Гитлера в Австрии. Здесь открыто прославляют Адольфа Гитлера». Это цитата из репортажа «Би-би-си» 2016 года.

Журналист Пол Адамс поехал в деревню Ямель и нашел там коммуну неонацистов. Герои его репортажа считают, что арийская раса все-таки рано или поздно восторжествует, а себя считают выразителями взглядов «молчаливого большинства» немецкого общества. От этого примера хочется отмахнуться, а про жителей Ямеля сказать, что они просто кучка маргиналов. Но есть и другие свидетельства, что однозначного отношения к прошлому в современной Германии до сих пор нет. Например, к 75-летию освобождения Освенцима редакция *Deutsche Welle* заказала социологическое исследование. Выяснилось, что каждый четвертый немец считает, что о Холокосте в стране говорят слишком много и часто. А 37% граждан хотели бы подвести под прошлым жирную черту и больше к этой теме не обращаться.

Есть страна, которая со своим трудным прошлым разобралась — и мы можем пойти по тому же пути

Это желание подвести черту, раз и навсегда обозначить свое отношение к прошлому очень понятное. Сегодня многие россияне поддерживают войну в Украине, и в этой точке лично мне очень хочется верить, что где-то есть страна, которая со своим трудным прошлым разобралась, и что мы можем пойти по тому же пути.

Проделать какой-то понятный набор последовательных правильных действий: провести люстрации, выплатить жертвам компенсации, публично покаяться в преступлениях. Но пример Германии показывает, что если Россия однажды пойдет по этому пути — а я на это надеюсь, этот путь абсолютно точно будет очень долгим и сложным.

Что впереди у нас долгие годы споров, что мы будем по много раз обсуждать одни и те же эпизоды войны, что мы будем снова и снова ссориться и мириться. При этом какой-то хотя бы намек на согласие, скорее всего, наступит только через несколько поколений. И, видимо, единственное, что мы можем сделать — это прожить весь этот путь и смириться, что он будет долгим.

Источники

Блэк М. Земля, одержимая демонами: ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии. 2022

Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. 2022

Аксенов П. Как Германия преодолевала опыт нацизма. «Би-би-си»

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. 2008

Бессмертная М. Торг, депрессия, вина. *Blueprint*

Васильченко В. Германия после Холокоста. «Горький»

Грахоцкий А. Франкфуртский процесс (1963–1965) и преодоление прошлого в Германии / История права. 2019. № 3

Демидова О. Опрос: большинство немцев хотят помнить о преступлениях нацистов. *Deutsche Welle*

Морозова К. Что такое коллективная вина и должны ли мы ее испытывать. «Афиша *Daily*»

Рулинский В. Преодоление нацистского прошлого в ФРГ. Феномен Гольдхагена

Рулинский В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления

Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. 1999

1. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) — собственно, партия Адольфа Гитлера.

2. Die Schuld.